

Per aspera ad astra: нули и звездочки в русской морфонологии

П. В. Иосад

Эдинбургский университет; pavel.iosad@ed.ac.uk

Поведение беглых гласных — одна из центральных проблем русской (и вообще славянской) морфонологии. Неудивительно, что «славянские еры» были выбраны как предмет специальной статьи Scheer 2011 в фундаментальном сборнике, отражающем достижения современной фонологической теории, наряду с такими знаменитыми явлениями, как кельтские мутации начальных согласных или французский *liaison*.

В русском языке анализа требует не только сам факт беглости гласных, но и их качество. Чередования сегмента с нулем в принципе могут анализироваться либо как вставка гласного, отсутствующего в глубинном представлении, либо как удаление гласного, присутствующего на входе в деривацию. Существование двух беглых гласных в таких языках, как русский (*день* ~ *дня*, *сон* ~ *сна*) и словацкий, — важнейший аргумент в пользу второго анализа: правило вставки должно объяснять не только наличие гласного, но и его качество, а если качество непредсказуемо, то такой анализ оказывается невозможен.

Насколько же предсказуемо качество беглого гласного в русском языке? Согласно Т. Шееру, не вполне. Несмотря на то что в основном беглый <о> встречается после твердых согласных, а беглый <е> — после мягких, в русском языке наблюдаются и пары вроде *лёд* ~ *льда*, с беглым <о> после мягкого согласного. Следовательно, заключает Т. Шеер, беглость — это лексическое свойство некоторых (но не всех) гласных среднего подъема. К сходным выводам приходит, например, И. Б. Иткин (2007), согласно которому беглые /e'/ и /o'/ следует считать отдельными фонемами, отличными и друг от друга, и от устойчивых /e/ и /o/.

На этом фоне знаменательно, что многие важнейшие работы по славянской морфонологии обходятся одним-единственным беглым гласным в глубинных представлениях. Таков, например, анализ в основополагающей книге Halle 1959, где со ссылкой на диссертацию Klagstad 1954 (*non vidimus*) беглые гласные обозначаются символом <#>, который приобретает признаки качества из контекста. То же решение, конечно,

принято и А. А. Зализняком в «Русском именном словоизменении», где беглым гласным соответствуют в условных записях звездочки <*>, вполне регулярно переходящие либо в Ø, либо в <е> (графически иногда <и>) или <о>. А. А. Зализняк пишет: «Весь переход от символа * к его фонетической (или орфографической) реализации регулируется стандартными правилами, не использующими никакой информации, кроме сведений о его окружении и о месте ударения» (Зализняк 1967: 251). Правило это можно сформулировать так: передние гласные появляются перед <j>, а также в позиции между <j>, шипящими согласными, <ц> или <'> и <ц>, <л'>, <н'>. Из сформулированного таким образом правила исключений очень мало: А. А. Зализняк (1967: 260–261) насчитывает их не более тринадцати, из которых три заведомо нерегулярны (корни *один-*, *ящ-*, *кочан-* с совершенно исключительными беглыми гласными верхнего или нижнего подъема¹), еще как минимум три — славянизмы с тем же беглым *и* (*епитимья*, *ектенья*, *манатья*), а в словах *сумерки*, *кочерга* нерегулярно себя ведет не беглый гласный, а согласный: в GEN.PL ожидалось бы **сумерок*, **кочерог* (ср. *задворки*, *шкварки* против *зорьки*, *гирьки*). В чистом остатке, таким образом, находим всего-навсего пять случаев с непредсказуемым гласным: *хребет*, *лев*, *тьма*, *корчма*, *судьба* — и все они принадлежат к одному типу с незакономерным *е*.

Чем же объяснить такое расхождение? Почему в теоретической фонологической литературе случаи типа *лѣд* рассматриваются как свидетельство непредсказуемости качества беглых гласных, хотя русистам известно, что для них можно сформулировать общее правило с минимальным количеством исключений? Ключ к ответу — подход к статусу мягких и твердых согласных. Как мы видели, правила прояснения «звездочки» предполагают, что мягкость (по крайней мере морфонологическая) окружающих ее согласных присутствует уже в условной форме, что и позволяет сформулировать необходимые правила.

В рамках порождающей фонологии этот путь был закрыт после крутого виража, заложенного в середине 1960-х годов, когда появились работы М. Халле (например, 1963) и Т. Лайтнера (включая диссертацию Lightner 1965) о русской и польской фонологии. Они-то во многом и заложили фундамент таких порождающих подходов, в которых глубинные представления во многом совпадали с реконструируемыми праформами, а деривационные правила — с диахроническими изменениями. На славянском материале это выражалось, в частности, в синхронном постулировании «ненапряженных» гласных /i/ и /y/, соответствующих *ь и *ъ,

¹ И. Б. Иткин (2007) указывает еще на уникальное *сѣмга* ~ *сѣмужка*.

которые подвергались правилу «понижения» (прояснения) перед ером в следующем слоге и удаления во всех прочих позициях. Существенно, что «понижение» применяется *после* смягчения согласных перед передним гласным (включая /i/), так что мягкость всех согласных даже в ауслауте можно вывести по этому правилу (/dʲiŋi/ → /dʲiŋʲi/ → [dʲenʲ]). Благодаря этому аналитическому ходу мягкие согласные полностью исключаются из глубинных представлений и не могут влиять на качество беглого гласного, как того требует традиционный анализ. Насколько убедительным представлялось такое решение, хорошо показывает тот факт, что анализ с двумя глубинными ерами был широко принят и, например, для польского языка (ср. Gussmann 1980), где разница между беглыми гласными заключается не в их качестве, а только в смягчении предшествующего согласного (ср. *dzień*, но *sen*)². У. Хамилтон (Hamilton 1976) удачно назвал этот подход «вся власть — гласным» (*vowel power*).

Если мягкость согласных выводится только из последующих передних гласных, то слова типа *лёд* требуют дополнительного объяснения: поверхностная последовательность [C'o] может быть создана только из глубинной /Ce/, например с помощью правила типа «e → o перед твердым согласным». Уже одно это показывает, что подход типа «вся власть гласным» никак не может быть верным: случаев, где поверхностная последовательность [C'o] не выводится из /Ce/, в русском языке множество. Глубинные /o/ после мягких согласных необходимо постулировать в словах типа *тётя* (где [o] перед мягким согласным не поддерживается деривационной историей), *несёте* (где тематический гласный под ударением всегда выглядит как [o], даже перед мягким согласным) или *бельё* (где отсутствует последующий твердый согласный). Таким образом, мягкость согласных нельзя вывести (только) из последующих передних гласных. Список аргументов в пользу этой позиции можно, конечно, и расширить другими непередними гласными после мягких согласных (*мясо*³, *тюль*...).

Следствием реабилитации мягкости в глубинных представлениях («вся власть — согласным») должен был бы стать пересмотр вопроса о качестве беглых гласных. Этого, однако же, в рамках порождающей фоноло-

² Это не вполне справедливо, так как два ера отличаются еще поведением при «аблаутном» чередовании: *zamek* ~ *zamknę* ~ *zamykać*, но *wycięcie* ~ *wytnę* ~ *wycinać*. Это обобщение не покрывает также беглые гласные с исторически вторичным качеством (*osiół*, *kociół*).

³ Т. Лайтнер выводит *мясо* из глубинного /mĩnsõ/. Развитие малого юса в [ʼa] оставило в русском языке обширное морфонологическое наследие, в первую очередь в глагольной морфологии (ср. Иткин 2007: §3.0, §5.5), но постулировать сочетание гласного с носовым без поддерживающих чередований — решение скорее сомнительное.

гии русского языка не произошло, и даже сравнительно недавние работы оперируют двумя (а иногда и тремя) глубинными беглыми гласными. Важное исключение — диссертация Farina 1991, где предложен «одноеровый» анализ, выводящий качество гласного из мягкости предшествующего согласного. К сожалению, этот анализ нельзя назвать удачным: в дополнение к справедливой критике Т. Шеера (Scheer 2010), указавшего на непроработанность вопросов, связанных с чередованием $e \sim 'o$, следует отметить, что во многих случаях он опирается на примеры *безударных* прояснившихся гласных — но после твердых согласных возможен только беглый /o/, а после мягких противопоставление /e/ \sim /o/ в безударной позиции нейтрализуется, так что подобные примеры для определения качества гласного решительно бесполезны.

Камнем преткновения для подходов, исходящих из предсказуемого качества беглого гласного, остается чередование $e \sim 'o$. Так, в уже цитированной работе Hamilton 1976, где также предлагается «одноеровый» анализ, оно выводится из гипотетического правила /o/ \rightarrow /e/ /C' C', которое еще менее адекватно реальности, чем традиционное в порождающей фонологии правило $e \rightarrow o$ (см. об этом специально Иткин 2007: 235). Именно поэтому Т. Шеер (2010) утверждает, что анализ с непредсказуемым качеством беглых гласных — единственно возможный для русского языка. Нам этот пессимизм все же представляется преждевременным: удалось же А. А. Зализняку сформулировать свое правило прояснения звездочек! Это правило можно слегка переформулировать так: звездочки переходят по умолчанию в *o*, кроме определенных контекстов, в которых появляется *e*, а именно после мягких согласных перед некоторыми (но не всеми) мягкими согласными. Таким образом, качество беглого гласного регулируется даже не столько мягкостью *предшествующего* согласного, сколько тем, требует ли переднего гласного *правый* контекст. Это условие практически в точности воспроизводит контекст для чередования устойчивых $e \sim 'o$, где мы наблюдаем *e* только после мягких согласных перед некоторыми, но не всеми, мягкими согласными (Иткин 2007, Иосад 2020). Единственное различие заключается в том, что среди устойчивых гласных мы имеем дело еще с большой группой морфем с нечередующимся *e* («морфемой {ѣ}») типа *белый*, но в случае беглых гласных мы видели, что таких примеров (типа *лев*) исчезающе мало.

Итак, качество беглых гласных в русском языке в основном предсказуемо: звездочка проясняется в *o*, кроме тех случаев, когда присутствия *e* требует общее правило, регулирующее чередование $e \sim 'o$. Таким образом, «одноеровый» анализ русского языка вполне жизнеспособен. Здесь мы укажем лишь на два важных следствия. Во-первых, это может представлять собой дополнительный аргумент против прочно укорененного в

порождающей фонологии славянских языков подхода, отрицающего фонемный статус мягких согласных. Во-вторых, поведение беглых гласных оказывается прочно связано с чередованием *e ~ 'o*, а оно, в свою очередь, тесно взаимодействует с морфологией и демонстрирует свойства, приурочивающие его к основообразующей грамматике в стратификационных моделях морфонологии (Bermúdez-Otero 2018, Иосад 2020). Представляется, что стратификационный подход открывает интересные перспективы и в анализе самих беглых гласных: отметим здесь чередования беглых и устойчивых гласных в основах различной частеречной принадлежности (ср. устойчивый гласный в *месть*, (*o*) *мести*, (*в*) *отместку* при беглом в (*ото*)*мстит* и отглагольном *мстител*ь) или при словообразовании (ср. отмеченные еще А. А. Зализняком формы типа *лобик*, *пёсик* при *лба*, *пса*), а также чередование беглых гласных с нулем в именах типа *игла*, *мышца* (*игл*, *мышц* при *иголка*, *мышечный*). Эта связь лишь подчеркивает, как важно учитывать морфологию при морфонологическом анализе, особенно в языках наподобие русского, где они сплетены столь тесно.

Литература

- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Иосад П. В. 2020. Морфонологическая стратификация в русском языке. *Rhema. Рема*, вып. 1, 36–55.
- Иткин И. Б. 2007. *Русская морфонология*. М.: Гнозис.
- Халле М. 1963. О правилах русского спряжения (предварительное сообщение). В сб.: *American contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia, September 1963*. V. 1: *Linguistic contributions*. The Hague: Mouton, 113–132.
- Bermúdez-Otero R. 2018. Stratal Phonology. In: S. J. Hannahs, A. R. K. Bosch (eds.). *The Routledge handbook of phonological theory*. London; New York: Routledge, 100–134.
- Farina D. M. 1991. *Palatalization and jers in modern Russian phonology: An underspecification approach*. PhD. Champaign: University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Gussmann E. 1980. *Studies in abstract phonology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Halle M. 1959. *The sound pattern of Russian*. 's Gravenhage: Mouton.
- Hamilton W. S. 1976. Vowel power versus consonant power in Russian morphophonemics. *Russian Linguistics*, v. 3, n. 1, 1–18.
- Klagstad H. L. 1954. *Vowel-zero alternations in Modern Standard Russian*. PhD. Cambridge, MA: Harvard University.
- Lightner T. M. 1965. *Segmental phonology of Modern Standard Russian*. PhD. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- Scheer T. 2010. Why Russian vowel-zero alternations are not different, and why Lower is correct. *Язык и речевая деятельность*, т. 9, 77–112.
- Scheer T. 2011. Slavic yers. In: M. van Oostendorp, C. J. Ewen, E. Hume, K. Rice (eds.). *The Blackwell companion to phonology*. V. 5. Oxford: Blackwell.